Владимир Петрович ИЗОТОВ

РЕТРОСКРИПЦИЯ И ЖУРНАЛИСТИКА

Статья посвящена описанию построения текстов, выполненных в обратной последовательности движения сюжета или графической последовательности (ретроскрипция рассматривается как принцип текстопостроения). Выделяются четыре направления реализации этого принципа и исследуется вопрос о возможном использовании этих принципов в журналистике.

Ключевые слова: *ретроскрипция, текст, обратное течение жизни, обратное движение сюжета, обратное написание слов и строк, зеркальное отражение, возможности ретроскриптивных текстов в журналистике*

Vladimir P. IZOTOV

RETROSCRIPTION AND JOURNALISM

The article is devoted to the description of the construction of texts executed in the reverse sequence of the movement of the plot or graphic sequence (retroscription is considered as the principle of text construction). Four directions of implementation of this principle are identified and the question of the possible use of these principles in journalism is investigated.

Keywords*: retroscription, text, reverse flow of life, reverse movement of the plot, reverse spelling of words and lines, mirror image, possibilities of retroscriptive texts in journalism*

Риторический канон, как известно, включает в себя 5 этапов. За саму организацию любого текста отвечает второй этап риторического канона – диспозиция: ««Режиссура» самого повествования (как и описания) может быть различной. Вот что говорит об этом М. Ломоносов: можно следовать «натуральному», ***естественному*** порядку событий; но можно начинать «не с начала деяния, а с некоторого ***чудного***, знатного или нечаянного приключения, которое было в ***середине*** самого действия», или даже ещё сложнее: «что напереди было до этого яркого момента, описывается повествованием знатного лица, в самой истории представляемого, до того самого случая, с которого оно началось, а прочее, что следует, идёт обыкновенным натуральным порядком» (Михальская 1996:187); «Например, классическим образцом чрезвычайно ловко построенной интриги считалась «Одиссея» Гомера – с ретроспективным изложением событий (от более поздних к более ранним) в качестве основного приёма и многочисленными скачками из настоящего в прошлое и будущее.

Такая композиционная (диспозиционная) техника полагалась практически недостижимой» (Клюев 1999:75).

Ярким примером произведения, начинающегося эпизодом, взятым из середины повествования, является роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (примечательно, что сам автор характеризует этот приём следующим образом: «Я употребил обыкновенную хитрость романистов: начал повесть эффектными сценами, вырванными из средины или конца её, прикрыл их туманом» (Чернышевский 1974: 12)).

Теоретическое осмысление этого приёма дано Р.О. Якобсоном: «Что касается литературного времени, то широкое поле для исследования представляет приём временного сдвига. Я уже приводил выше слова критики: «Байрон стал рассказывать с середины происшествия или с конца». (Или ср., например, «Смерть Ивана Ильича», где развязка дана до самого рассказа; ср. «Обломов», где временной сдвиг оправдан сном героя, и т.п.). Есть особый разряд читателей, которые навязывают этот приём всякому литературному произведению, начиная чтение с развязки. Как лабораторный приём мы находим временной сдвиг у Эдгара По в «Вороне», который лишь по окончании был как бы вывернут наизнанку» (Якобсон 1987: 284).

Однако вышеприведённые слова характеризуют только приём временного сдвига как принцип составления текста, что, в общем-то, к ретроскрипции отношения не имеет. Проблема «текст как ретроскрипция», как представляется, реализуется в четырёх направлениях (под ретроскрипцией понимается построение текста в обратном порядке).

Первое направление. Тексты организованы по принципу обратного течения жизни главного героя (героев). В чистом виде этот принцип реализован в пьесе В. Хлебникова «Мирсконца». В рассказе Ф.С. Фицджеральда «Забавный случай с неким Бенджамином Баттеном» этот приём модифицирован: герой рождается 70-летним стариком и умирает младенцем.

Некоторая усложнённость этого принципа имеет место в двух других произведениях. Так, в повести В. Михайлова «Не возвращайтесь по своим следам» герой, спустя какое-то неназванное время после смерти, возвращается в мир и начинает свою жизнь в обратном порядке. К тому же и все окружающие живут таким же образом, и различие отмечается только в том, что одни люди помнят свою прежнюю жизнь, а другие нет.

В романе Ш. О'Фаолейна «И вновь?» главный герой не умирает даже, а, достигнув 65-летнего возраста, начинает жить в обратном порядке.

В романе А. Борисовой «Креативщик» главный герой в течение дня проходит в обратной последовательности путь от 70-летнего старика до 10-летнего мальчика.

Из всех этих произведений упоминаний в научных исследованиях удостоилась только пьеса В. Хлебникова: «При первой публикации (в 1913 году) пьеса «Мирсконца» обращала на себя внимание благодаря, главным образом, вывернутой наизнанку временной перспективе; жизненный путь главных действующих лиц, Поли и Оли, прослеживается в ней от могилы и – буквально – до колыбели, словно в кинофильме, пущенном обратным ходом. Р. Якобсон рассматривал эту пьесу как пример «обнажённого временного сдвига»; то есть инверсия времени, никоим образом не мотивированная, используется якобы как приём ради самого приёма. Такая интерпретация удовлетворяла эстетике раннего формализма и, очевидно, служила заявленной полемической цели» (Лённквист 1999: 105).

Второе направление. Тексты организованы по принципу обратного течения сюжета: произведение начинается с финала, развязки и движется дальше (поэтапно) к завязке. В чистом виде этот принцип, по-видимому, не реализован. Однако есть его любопытная интерпретация в рассказе Х.Л. Борхеса «Анализ творчества Герберта Куэйна»: «Миры, представленные в «April March», не являются регрессивными, регрессивен способ изложения. Регрессивен и разветвлён, как я уже сказал. Произведение состоит из тринадцати глав. В первой приводится двусмысленный диалог двух неизвестных на перроне. Во второй излагаются события, происшедшие накануне действия первой. Третья глава, также ретроспективная, излагает события *другого* возможного кануна первой главы; четвёртая глава – события третьего возможного кануна. Каждый из трёх канунов (которые друг друга полностью взаимно исключают) разветвляется ещё на другие три кануна, совершенно различные по типу» (Борхес 1989: 77-78).

С известными оговорками как реализацию этого принципа можно рассматривать роман К. Федина «Города и годы», «где, если поставим его девять глав в хронологическом порядке, получим порядок: IV, III, V, VI, VII, VIII, II, IX, I» (Янечек http), и роман Х. Кортасара «Игра в классики», о принципах которого сам автор в «Таблице для руководства» говорит следующее: «Эта книга в некотором роде – много

книг, но прежде всего это две книги. Читателю представляется право выбирать одну из двух возможностей:

Первая книга читается обычным образом и заканчивается 56 главой, под последней строкою которой – три звёздочки, равнозначные слову *Конец*. А посему читатель безо всяких угрызений совести может оставить без внимания всё, что следует дальше.

Вторую книгу нужно читать, начиная с 73 главы, в особом порядке: в конце каждой главы в скобках указан номер следующей» (Кортасар 1986: 26).

Третье направление. Тексты организованы по принципу обратного чтения каждого слова. Примером может служить стихотворение А. Лущекина:

Ищук еиксйар. Акызумотевц.
Акев оголеб амероет.
Абелх течох акчовед.
Онся илоб од ондив
Момод мишан дан обен,
Мобен мишан дань немак.
Идюл еылеб адюс тудирп он.

К сожалению, реальных текстов, исполненных в подобной манере, мне не встретилось. Однако в истории русской литературы был любопытный эксперимент. Н. Полевой переставил в обратном порядке строки пушкинского посвящения, предваряющего роман «Евгений Онегин»:

Вот сердца горестных замет,
Ума холодных наблюдений,
Незрелых и увядших лет,
Бессонниц, лёгких вдохновений
Небрежный плод. Моих забав,
Простонародных, идеальных,
Полусмешных, полупечальных –
Прими собранье пёстрых глав,
Ну! Так и быть – рукой пристрастной,
Высоких дум и простоты,
Поэзии живой и ясной,
Святой исполненной мечты,
Достойнее души прекрасной,
Залог достойнее тебя,
Хотел бы я тебе представить,

Вниманье дружбы возлюбя,
Не мысля гордый свет забавить…

Исследовательница комментирует эту перестановку таким образом: «В пределах, допускаемых законами палиндрома, здесь осуществляется замена отдельных союзов и соединительных слов, а также добавляются знаки препинания. В результате, смысл стихотворения, конечно, изменяется: словосочетание «небрежный плод» перестаёт относиться к забавам поэта, а становится атрибутом горестных замет и холодных наблюдений. Соответственно, четыре эпитета, относящиеся у Пушкина к «пёстрым» главам его романа, переадресуются теперь к его же забавам. Наконец, в конец посвящения попадают теперь не итоговые у Пушкина заметы и наблюдения, в оригинале противостоящие первой части как вполне серьёзный вывод из иронически описываемых забав, а именно «лёгкий» посыл посвящения – «Не мысля гордый свет забавить»» (Бонч-Осмоловская 2009: 188).

С известными оговорками к этой разновидности можно отнести анацикл: «Интересным примером трюкового стихосложения является **анацикл** - стихотворение, написанное таким образом, что его можно одинаково читать как сверху вниз слева направо, так и снизу вверх справа налево. Анацикл читается в обоих направлениях не по буквам (как в палиндроме), а по словам. В отличие от стихотворения-реверса, порядок изложения, рифмы и рифмовка сохраняются. Анациклические стихи — крайне редкое явление даже для экспериментальной поэзии» (Скоренко http). Как единственный пример этого вида поэзии на русском языке приводится стихотворения В.Я. Брюсова:

Жестоко раздумье. Ночное молчанье
Качает виденья былого,
Мерцанье встречает улыбки сурово.
Страданье -
Глубоко - глубоко!
Страданье сурово улыбки встречает…
Мерцанье былого - виденье качает…
Молчанье, ночное раздумье, - жестоко!

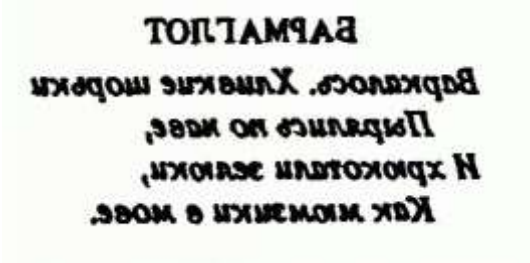
Четвёртое направление. Текст организуется с помощью зеркального отображения. Так, например, в сказке Л. Кэрролла «Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье» есть такой

фрагмент:

«На столе лежала какая-то книга; Алиса взяла ее и стала листать, поглядывая время от времени на Белого Короля. (Она все еще волновалась за него и держала чернила наготове - на случай, если ему снова станет плохо.)

Она надеялась, что сумеет прочитать в книге хоть одну страничку, но все было написано на каком-то непонятном языке.

Вот как это выглядело.

Алиса ломала себе голову над этими строчками, как вдруг ее осенило:

- Ну конечно, - воскликнула она, - это же Зазеркальная Книга! Если я поднесу ее к Зеркалу, я смогу ее прочитать.

Так она и сделала. И вот что она прочитала:

БАРМАГЛОТ
Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове» (Кэрролл 1978: 122)

Следует сказать, что ни одно из этих направлений не то что не описано, а даже ещё толком не намечено – есть только отдельные замечания по отдельным произведениям, относимых к тому или иному направлению (см., например, работу (Изотов 2014)).

Всё вышеизложенное представляет собой изложение общих принципов ретроспективной организации текста вообще. Насколько это применимо по отношению к журналистике?

Из перечисленных направлений только второе – обратное течение сюжета (полное или частичное) – иногда встречается в реальной журналистике. Что касается остальных, то можно предположить, что все мы ещё станем свидетелями проявления интенций, отмеченных в описании первого, третьего и четвёртого направлений, в таком бурно развивающемся ярусе журналистики как медиажанры.

И, наверное, пришло уже время обратиться к проблеме экспериментального текста в журналистике.

Список литературы

Бонч-Осмоловская Т.Б. Введение в литературу формальных ограничений. Литература формы и игры от античности до наших дней. – Самара. 2009. 560 с.

Борхес Х.Л. Анализ творчества Герберта Куэйна // Борхес Х.Л. Проза разных лет. М. 1989. С.76-80.

Изотов В.П. Ретроскрипция в энциклопедическом освещении // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: сборник материалов Всероссийской конференции, посвящённой 115-летию со дня рождения И.А.Фигуровского. Елец. 2014. С.215-222.

Кортасар Х. Игра в классики. М. 1986. 574 с.

Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М.1999. 272 с.

Кэрролл Л. Алиса в Стране Чудес. Алиса в Зазеркалье / Пер. с англ. Н.М.Демуровой. М. 1978. 360 с.

Лённквист Б. Мироздание в слове. Поэтика Велимира Хлебникова. СПб. 1999. 237 с.

Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово: Учебное пособие для учащихся 10-11 кл. общеобразоват. учреждений. М. 1996. 416 с.

Скоренко Т. (Сайт) // Режим доступа: .timskorenko.ru/poezia5.html

Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях // Чернышевский Н.Г. Собрание сочинений в пяти томах. Т.1. М. 1974. 463 с.

Якобсон Р.О. Новейшая русская поэзия. Набросок первый: Подступы к Хлебникову // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М. 1987. С.272-316.

Янечек Дж. «Мирсконца» у Хлебникова и Крученых // (Электронный ресурс Ka2.ru/nauka/anacek/html).

ИЗОТОВ Владимир Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и связей с общественностью Орловского государственного университета им. И.С.Тургенева, г. Орёл, vpizotov@yandex.ru